

УДК 009: 821.112.2(091) (Гуманитарные науки в целом. История немецкой литературы)

«ВОСТОЧНЫЕ РОЗЫ» Ф.РЮККЕРТА: МОТИВЫ, ТЕМЫ, ЯЗЫК

© 2016 Е.Е.Санюк

*Санюк Елена Евгеньевна, аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы.
E-mail: esanyuk@yandex.ru*

Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Несметное количество «восточных» стихотворений и порой назойливо повторяющиеся темы притупляют восприятие художественных красот рюккертовской поэзии. Думается, что заглушает лирическую стихию и языковая эквилибристика поэта. Ф.Рюккерт – непревзойденный мастер слова, считавший задачу поэта равноценной задаче жонглера и циркового канатоходца, однако этого его искусства не всегда достает, чтобы удерживать внимание читателя в рамках немногих основных мотивов сборника. Несмотря на тончайшее знание языка, 357 стихотворений «Восточных роз» во многом остаются чтением утомительным.

Ключевые слова: Рюккерт-полиглот; ученый-лингвист; неопределимое влияние на становление немецкой ученой и поэтической ориенталистики.

1819 год – год рождения немецкой поэтической ориенталистики. «Отцом» ее стал, как известно, Й.В.Гете, опубликовавший в тот год в штутгартском издательстве «Cotta» свой поэтический цикл «Западно-восточный диван» («West-östlicher Divan») – лучший поэтический сборник последнего десятилетия поэта, книгу, в которой престарелый автор представил свое мировидение как родственное миру поэзии персидской классики, душой которой выступал прямодушный и смелый Хафиз (1325–1390). Это факт общеизвестный. Менее известен в германистике другой литературный факт: в июле того же 1819 г. издателью, опубликовавшему уже к тому времени гетевский «Диван», пришла заявка от знакомого ему, но вряд ли в то время известного многим поэту Ф.Рюккерта (1788–1863), обещавшего издателю прислать для публикации свои «персидские материалы» (“persica”): их «нельзя назвать ни переводами, ни вольными переводами, – своего рода противовес “Дивану” Гете, которого я, к сожалению, еще не знаю. У него главное – дух, в моем – форма, так что, если кто-то захочет объединить дух Гете и мою форму <...> сможет составить себе приблизительное представление о персидской поэзии, не зная персидского языка» [1, s. 313].

Итак, если «первой литературной ласточкой», возвестившей наступление весны культурного сближения Запада и Востока был «Диван» Гете, то ему, «немецкому Хафизу», и в этой книге, и в задаче должно было не хватать чего-то существенного. В насыщенных соловьями и розами «наме-

(«книгах») не было выхода за границы ориентальной условности. Увы, Гете не знал языка оригинала, его «песни» были всего лишь поэтическими переложениями подстрочника, выполненного для него венским ученым-лингвистом Й.Хаммер-Пургшталем. Версификация Гете была замечательно, мастерски выполнена, но это был лишь привнесенный на Запад дух Востока, его формулировки, его бытовые и поэтические клише, сводившиеся к упоминанию о гении Хафиза, опьянении от любви, мудрости Аллаха, мальчишавиночерпиях и бесчисленных соловьях и розах. Европейцу это было ново и интересно, но не могло избавить от ощущения повторяемости и вторичности. Кстати, это же, увы, станет уделом и многих ориентальных переводов Ф.Рюккерта и А.Платена.

Поэзия Хафиза с ее восточным антуражем будет приковывать к себе и Рюккерта, и он вскоре также заразится ее духом, но в обещанных издателю «persica» поэт изначально имел в виду не Хафиза, а Мевляну Руми. Если в результате итальянской поездки (1816–1817) Рюккерт постарался обогатить немецкую лирику, введя в нее жанры ритурнеля и сицилианы, то с «восточной стороны» первым его подарком немецкой лирике станет газель (газаль). «Немного знавший к тому времени древнееврейский и сирийский языки, Рюккерт всю осень берет у Хаммера еще и уроки персидского, арабского и турецкого. Первым плодом его ориенталистских штудий станут в следующем году переводы Руми – тонкая книжечка,

подарившая немецкой лирике еще одну <...> новую поэтическую форму» [2, с. 34].

Существующий в восточной поэзии жанр газели – нередко с рифмой, казался, был чужд немецкой поэтической системе. Гете во всяком случае сразу же постарался от него дистанцироваться. Однако жанр оказался близок и органичен индивидуальной манере Рюккерта. «Как в свое время Руми и Хафиза, его занимали прежде всего блеск мысли, афористичность и то “преобладание идущего сверху зова” (“Vorwalten des oberen Leitenden”), которое Гете подчеркивал как особый признак ориентальной поэзии» [2, с. 35]. Во всяком случае уже в самых первых своих газелях поэт-переводчик продемонстрировал такое искусство и такую легкость формы, что газель в на какое-то время (особенно, когда переводами займется еще и Август фон Платен) станет почти обыденным жанром немецкой лирики.

Вскоре после Руми очередь у Рюккерта дойдет и до Хафиза, обрабатывая поэзию которого, он вступит в поэтическое соперничество с «Западно-восточным диваном» Гете. В 1822 г., пользуясь как подстрочниками Хаммера-Пургштала, так и в еще большей степени оригинальными персидскими текстами, Рюккерт опубликует в лейпцигском издательстве Ф.А.Брокгауза свой знаменитый цикл «Восточные розы» («Östliche Rosen»). Его восточные переводы и подражания заслужили высокую оценку критиков и поэтов тем, что сохраняли «и ритм, и дух оригиналов» [3, с.68].

Первое же стихотворение цикла называлось «“Западно-восточному дивану” Гете» («Zu Göthes west-östlichem Divan»). Это было в строгом смысле слова не посвящение, но скорее славословие старому поэту, исполненное в восточном же духе. В ноябре 1822 г. Рюккерт послал книжку своих «Восточных роз» самому Гете, но прямого ответа от «олимпийца» не получил. Косвенным же ответом стало то, что в декабрьской тетрадке журнала «Искусство и старина» («Kunst und Altertum») Гете порекомендовал композиторам тексты рюккертовских «Восточных роз» для переложения их на песенную музыку. Так Гете все-таки выразил Рюккерту свою признательность [4, с.310].

В этой книге можно обнаружить ряд тем и мотивов, наиболее типичных для поэтов исламского мира: обожествление возлюбленной, истинная красота, любовь и вино, которые вовсе не прегрешения.

Wein und schöne Mädchen
Sind zwei Zauberfädchen,
Die auch die erfahren
Vögel gern umgarnen.
(Die zwei Mächte) [5, s.355];

Becherrand und Lippen,
Zwei Korallenklippen,
Wo auch die gescheitern
Schiffe gerne scheitern...

В тематические категории ориентальной поэзии встраиваются элементы, которые имеют особое значение и для самого Рюккерта: мечтательное раздумье, красота и магическая сила розы, взгляд красивой девы, свеча как символ любви, истинная страсть, выступающая как апофеоз жизни и враг ханжеских обетов и запретов.

Sieh' an den frommen Mönch und nimm
Ein Beispiel d'ran, nicht so zu sein.
Der Herr läßt leben gut und schlimm,
Die Selbstsucht nur verdammt allein...
(Liebesandacht) [5, s. 360].

Глаза любимой – это вход и выход всего духовного, всеобъемлющая природа со сторонами света (особенно Восток!), солнце, луна, цветы и времена года – преимущественно весна. Таким образом, выделяются четыре основных блока мотивов: любовь, вино, красота и печаль о тленности всего мирского. Языковые средства сборника напрямую определены его тематикой. Рюккерт выбирает такие слова и выражения, которые напоминают язык ориентальной поэзии. Восточный вокабуляр подчеркивает происхождение и художественное содержание произведения. Естественно количественное преобладание немецкой лексики, которая подчеркивает романтическое звучание и напоминает неповторимые народные песни.

Одно из самых прекрасных стихотворений «Восточных роз» – «Магический круг» – воздушно легкое, эlegantное произведение, в духе персидской поэзии.

Zauberkreis
Was steht denn auf den hundert Blättern der Rose all?
Was sagt denn tausendfaches Schmetter der Nachtigall?
Auf allen Blättern steht, was stehet auf einem Blatt;
aus jedem Lied weht, was geweht im ersten hat:
Dass Schönheit in sich selbst beschrieben hat einen Kreis,
und keinen andern auch das Lieben zu finden weiß.
Drum kreist um sich mit hundert Blättern die Rose all,
und um sie tausendfaches Schmetter der Nachtigall [5, s. 369].

Роза и соловей, о которых речь идет в стихотворении, как мотылек и огонь, вино и пьющий его, – это в персидской поэзии символы души и ее тоски, может быть, тоски по возлюбленной, может быть, по благосклонности правителя, или по

милости Аллаха – или по всему сразу. Именно это придает обаяние стихотворениям Хафиза: он лишь намекает на то, о чем хотел сказать.

В своем «Поэтическом дневнике» Рюккерт пишет: «Там, где нам кажется, что Хафиз говорит о мыслях, он говорит о чувствах; / Или он говорит о чувствах, а кажется, что только о мыслях? / Его тайна не-трансцендентна, / Все же его мысли чувственны» [6, s.97]. То же самое можно было бы сказать и о самом Рюккерте. О чем говорит его роза? О чем поет соловей? Послание розы заключено в ее образе: это повторяющееся множество, стремящееся к общей сердцевине: «На всех лепестках то же, что и на одном лепестке». И ничего другого не поет соловей, кроме того, что красота, о которой он сам свидетельствует, в той же мере, как и роза, имеет первопричину, свою сердцевину. Маленький певец поет о том, что одна красота излучается во множество красот, чтобы повторяться во всем окружающем. «В каждой песне поется то, что было спето в самой первой». И на этом волшебный круг, наконец, замыкается. То же и с любовью: любовь и красота, любовь к красоте, красота любви – по сути своей, это одно и то же. Роза и соловей выражают эту истину каждый своим способом: лепестки окружают сердцевину, как источник их собственной красоты. Кружащийся над розой соловей – символ мятущейся души, которая ищет ту же сердцевину, в которой берет начало его тоскующая любовь. В то время, как соловей приближается к розе, его любовь возвращается к своему первоисточнику.

В более позднем стихотворении Рюккерт еще раз более аналитически выразит эту мысль: «Я нахожу тебя там, где я, о, Всемогущий, к себе возвращаюсь; / Нахожу я тебя в начале и нахожу тебя в конце. / Началу, если я следую, в тебе оно теряется; / Окончание я высматриваю, – из тебя оно рождается. / Ты – начало, заканчивающееся в самом себе, / Ты – конец, который находит свое начало в себе. / И в середине ты то же самое, что ты

есть; / И я есть я, поскольку ты – середина во мне».

Все это ориентальное мировидение соответствует основной мысли Ислама, согласно которой божественное едино и неповторимо. Эта основная мысль выражается и в ощущении красоты: единство во множестве, множество в единстве, равновесие в ритмичной вариации, отсутствие всякой стремительной динамики – все это тоже существенные признаки исламского искусства.

Те же черты характерны для искусства поэзии: здесь они выражаются в особом значении отдельного стиха, по сравнению со строфой, и, в частности, у Хафиза – во внешнем отсутствии причинно-следственных связей в стихах, в отсутствии развития в стихотворении. Именно из-за этого возникает впечатление замкнутого, «магического круга». Стихотворения Хафиза подтверждают это формой, у Рюккерта же оно напрямую выражено в содержании стихотворения.

К сожалению, несметное количество «восточных» стихотворений и порой назойливо повторяющиеся темы притупляют восприятие художественных красот рюккертовской поэзии. Думается, что заглушает лирическую стихию и языковая эквилибристика поэта. Ф.Рюккерт – непревзойденный мастер языка, считавший задачу поэта равноценной задаче жонглера и циркового канатоходца [7, s.64], однако этого его искусства не всегда достает, чтобы удерживать внимание читателя в рамках немногих основных мотивов сборника. Несмотря на тончайшее знание языка, 357 стихотворений «Восточных роз» во многом остаются чтением утомительным.

Несмотря на эти достаточно общеизвестные недостатки лирики Рюккерта в целом, остается еще, а, пожалуй, и в первую очередь, Рюккерт-полиглот, ученый-лингвист, оказавший неоценимое влияние на становление немецкой ученой и поэтической ориенталистики.

1. «Nicht Übersetzungen zu nennen und auch nicht Nachbildungen, in seiner Weise ein Gegenstück zu Göthes Diwan, den ich aber leider noch nicht kenne, bei diesem der Geist die Hauptsache, bei meinem die Form, so daß, wer Göthes Geist und meine Form zusammen nimmt und zu beiden die leibliche Masse, wie sie in Hammern Hafis und desselben persischer Blütenlese liegt, sich, ohne Persisch zu können, einen ungefähren Begriff von persischer Poesie wird machen können». Цит. по: Magon L. Goethes «West-östlicher Divan» und Rückerts «Östliche Rosen». Zur Vorgeschichte der «Östlichen Rosen» // Zwischen Orient und Okzident. Friedrich Rückert im Spiegel seiner Zeitgenossen und der Nachwelt. Aufsätze aus der Zeit zwischen 1827 und 1986. In Kommission bei Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1988. S. 313. (Germ.)
2. Бакалов, А.С. Немецкая послеромантическая лирика. Самара, Изд-во СамГПУ, 1999. С. 34. (Рус.). (Bakalov, A.S. Nemetskaia posleromanticheskaia lirika (German Post-Romantic lyrics). Samara, Izdatel'stvo SamGPU, 1999. S. 34).
3. Grosser, M. Friedrich Rückerts «Östliche Rosen» // Rückert-Studien I. Hrsg. Von Helmut Prang. Schweinfurt, 1964. S. 68. (Germ.)

4. Magon, L. Goethes «West-östlicher Divan» und Rückerts «Östliche Rosen». Zur Vorgeschichte der «Östlichen Rosen» // Zwischen Orient und Okzident. Friedrich Rückert im Spiegel seiner Zeitgenossen und der Nachwelt. Aufsätze aus der Zeit zwischen 1827 und 1986. In Kommission bei Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1988. S. 310. (Germ.).
5. Rückert, F. Gedichte. Auswahl des Verfassers. Frankfurt am Main, 1884. S. 355. (Germ.).
6. Poetisches Tagebuch von Friedrich Rückert. 1850–1866 (Aus seinem Nachlasse); Frankfurt am Main, 1888. S. 97.
7. Der Dichter ist Ein Akrobat,
Äquilibrist, Auf Redeseilen schreitend, straff gespannten,
Mit Windungen, Wendungen vielgewandten. Цит. по: Schimmel A. Friedrich Rückert // Deutsche Dichter der Roman-
tik. Ihr Leben und Werk / Hrsg. v Benno Wiese. B: Erich Schmidt Verlag, 1983. S. 64. (Germ.).

F.RÜCKERT 'S "EASTERN ROSE": MOTIFS, THEMES, LANGUAGE

© 2016 E.E.Sanuk

*Elena Evgenievna Sanuk, Postgraduate of Department of Russian and foreign literature and methods of teaching literature.
E-mail: esanyuk@yandex.ru*

Samara State University of Social Sciences and Education. Russia

A countless number of "Eastern" poems and sometimes annoyingly recurring themes blunts the perception of artistic beauty of Rückert poetry. I think that the lyrical element is also obscured by the 'verbal gymnastics' of the poet. F. Rückert is an unsurpassed master of word, who considered the task of the poet equal to the task of juggler and circus tightrope walker, but his art does not always manage to hold the reader's attention within a few key motifs of the collection. Despite the super-fine knowledge of the language, the 357 verses of "Oriental rose" in many ways, remain a tedious read.

Keywords: Rückert is a polyglot; scholar and a linguist; a great influence on the development of German scientific and poetic Orientalism.